

22 мая — день рождения Малики Сабириевой

РАССТАВАНИЕ

НАВСЕГДА

Помню вечер накануне премьеры «Баядерки». Малика пришла домой после репетиций, к телефону попросила не звонить. В общем, не отвлекать. Вторую половину дня она решила посвятить костюмам. Они были сшиты строго по эскизам художника, с учетом всех замечаний балерины — и все же их надо доводить до «ума». Самой. Никто этого не сможет сделать так как она.

Одну за другой Малика срезаёт острыми маникюрными ножничками «монетки» с подола юбки. Они — бутфорские. Будут блестеть, но звона их никто не услышит. (А какая же цыганка без танцев со звоном).

Перебрала все свои безделушки и те, что принесли ей друзья, знакомые. Не подходят: и блестеть будут, и звенеть, но тяжелые. «Надо же и о партнере позаботиться», — говорит она, вполне серьезно.

Понять ее можно — ей нужен легкий звон, очень мелодичный, какой издает серебряный колокольчик. Ну где же сегодня найти ей такие монетки? Не пойдешь же к цыганам, которых не всегда и встретишь.

Вспомнила, что дома лежит у меня «монисто» из анодированного металла, подаренное знакомой польской журналисткой, африканские серьги.

«Не жалко? — спрашивает она. — Ведь это подарки, я знаю. Память о друзьях...».

«Искуство требует жертв», — отшучиваюсь я, а сама стою от любопытства: подойдет ли? Ведь завтра премьеры!

Разобрав серьги и ожерелье, она в течение часа привела наряд Эсмеральды в «полный порядок». В таком можно выйти на сцену — зрители поверят. Потом стала пришивать розовые ленточки к балетным туфелькам. За спектакль «истанцует» пять-шесть пар. Эту работу Малика тоже никому не доверяет: прежде, чем пришить ленточку намертво, несколько раз примерит, станет на носки, походит по комнате, и лицо в это время у нее такое сосредоточенное, будто прислушивается она к чему-то очень важному.

«Думаешь, слишком педантична? — спрашивает и сама же отвечает: — Чтобы пуанты стали «частью тебя», нужно изрядно потрудиться».

...Когда на сцену вышла легкая, стремительная Эсмеральда, зал взорвался овациями. А потом наступила тишина. Только — музыка и нежный звон...

Вспоминать можно бесконечно. О том, как маленькая, внешне не очень приметная девочка стала звездой мирового балета, писалось много — в республике, стране, за рубежом. А вот об этом эпизоде, думаю, мало, кто знает: в Англии, где Сабириева гастролировала с труппой Большого театра в середине шестидесятых, ее всюду сопровождала семья «добропорядочных англичан», внешне сдержанных, но проявивших неожиданно необузданный темперамент на концертах: неизменно после выхода Малики на сцену они скандировали: «Браво», «Бис!», и никто на них не шикал, не косился.

«Они поставили меня однажды в очень неловкое положение, — рассказывала Малика. — Принесли как-то в примерную сверток и попросили развернуть его только в отеле. В нем оказался костюм из ткани «джерси» — тогда она только входила в моду. Он сидел на мне, как влитой. Конечно же, по спецзаказу сшит — разве у взрослой женщины может быть такой размер? Как это им удалось без моих мерок — вот что удивило. Могу ли принять, такой дорогой подарок? А могу — не принять? Все было сильно этим озадачено, потом решили: не возвращать же. Тем более он никому не подойдет».

А из Японии приходили бандероли. Далекие поклонники замечательной советской балерины поздравляли ее с праздниками, днем рождения: присылали сувениры, красочные календари, открытки.

Вспоминаю последнее наше расставание в июле 81-го. Она уезжала в Москву поездом. На лечение. Уже тогда была тяжело больна, и кроме ее мужа, диагноза никто не знал. Стояли у вагона, шутили, смеялись. Она сказала: «Приезжайте в Киев в августе, я буду там выступать во время Дней литературы и искусства Таджикистана». Киевляне тоже ее ждали...

Двадцать лет блистала М. Сабириева на балетном «небосводе». Обездила почти весь мир. Многие ее обожали. И многие — не любили. А была у нее и своя невысказанная боль. Только изредка в узком кругу она говорила: «У

меня нет времени ждать, когда нужды искусства станут, наконец, так же важны, как, например, хлопок. Хочу танцевать в «Легенде о любви»,

«Спартаке», «Гаяне», да мало ли спектаклей, партий, о которых мечтает каждая балерина?»...

Она уволилась из театра, проработав в нем большую часть жизни. И ее отпустили. Значит, знали, что ничем не смогут помочь. А может, было все равно?

Такие мысли приходят невольно. Сколько было торжественных слов, обещаний в высокие — у гроба — минуты? И книгу издадут, и музей откроют, и премию имени М. Сабириевой учредят. А хватило на мемориальную доску, невзрачный памятник на могиле и более чем скромный уголок в музее.

Сколько сохранилось великолепных фотографий, которые могли бы послужить «школой» мастерства для юных танцовщиков — эти снимки лежат без пользы. Какие уникальные костюмы пылятся неизвестно где! А ведь замечательную экспозицию можно было бы развернуть. Но... находится самое обыденное, но почему-то всегда считающееся великим оправданием: нет помещения! Найдется, если возникнет желание в тех, кому этот вопрос решать. Наш гражданский долг — не предавать забвению человека, благодаря которому, не побоясь сказать, республику узнали во многих уголках земли!

Мало кто знает, что спектакль «Лейли и Меджнун», с которым таджикская балетная труппа объездила страны Юго-Восточной Азии, зафиксирован на пленке и находится в золотом фонде балетного искусства далекой заокеанской страны. Неужели нам не доведется его увидеть?

Да что там музей, памятник, когда в кризисном состоянии находится балетная труппа, так заботливо, любовно выхощиванная Сабириевой. Давно уже нет в театре премьер, которые стали бы событием в культурной жизни республики. Не выезжает коллектив и на большие гастроли. А ведь можно, но главное — нужно сделать так, чтобы память о великой балерине «работала» на настоящее и будущее. Почему бы здесь, на родине Малики Сабириевой, не проводить конкурсы выпускников хореографических школ и училищ страны? Почему бы не учредить студенческую стипендию имени народной артистки СССР?..

Р. МАХМУДОВА.

